

Видео открылось с сухим, шуршащим шумом. Лишь спустя некоторое время экран наконец загорелся.

Это было какое-то старое фабричное помещение — огромный, квадратный цех. Пол был усыпан древесной стружкой и пылью, всё выглядело грязным, заброшенным, неухоженным.

С потолка свисали яркие лампы, ослепительно белые. Где-то неподалёку, судя по всему, ещё работали какие-то механизмы.

В помещении находилось много людей. Все они стояли неподвижно, уставившись в одну точку.

Никто не говорил. Никто не двигался.

Они просто смотрели.

Словно чего-то ждали.

Камера была установлена в каком-то углу, почти спрятана, и охватывала лишь ограниченную часть пространства.

К тому же качество записи было низким — размытым, слегка пожелтевшим от времени. Всё ещё можно было разобрать, что происходит, но эта устаревшая картинка однозначно говорила: запись сделана как минимум больше десяти лет назад.

— Что это за ерунда... — раздражённо пробормотал Линь Цинтянь.

В следующее мгновение из видео раздался голос:

«Начали.»

Он даже не успел осознать услышанное, как тут же помещение наполнил назойливый, пронзительный гул.

«Вжжжжж»

Это было похоже на запуск какого-то старого промышленного агрегата — звук напоминал визг электрической пилы.

Резкий, режущий слух.

Даже через экран от него хотелось поморщиться.

Палец Линь Цинтяня завис над экраном — он уже собирался перемотать вперёд.

Но в этот момент... раздался детский плач.

Сначала тихий, сдавленный.

А затем в кадре появился мальчик — его принесли и осторожно поставили на пол.

Он оказался как раз в зоне обзора камеры.

На нём был аккуратный костюмчик в западном стиле, модный в те годы. У воротника был повязан бантик. Его личико — нежное, округлое, белое, словно вылепленное из мягкого теста.

Он выглядел как маленький шарик из клейкого риса — хрупкий, чистый, почти нереальный.

Но сейчас этот «рисовый шарик» сморщил лицо, сжавшись всем телом.

Он обнял себя за плечи, словно пытаясь удержать тепло и защититься от всего мира, и стоял, дрожа, тихо всхлипывая.

Из-за плохого качества записи нельзя было разглядеть сами слёзы.

Но покрасневшие глаза и нос выдавали всё.

Он был напуган.

До глубины души.

Его тело дрожало.

Его голос дрожал.

Он выглядел таким беспомощным... таким жалким... таким невыносимо уязвимым, что сердце невольно сжималось.

Палец Линь Цинтяня, уже готовый нажать перемотку, замер.

Он нахмурился, внимательно всматриваясь в мальчика на экране.

Этот ребёнок... кажется, он ему знаком.

Неужели...

Линь Сюэцэ?

Стоило этой мысли промелькнуть в его голове, как вдруг из записи раздался резкий мужской голос:

«Стоп!!»

«Почему он опять плачет? Как это снимать?!»

«Где родители? Пусть родители его успокоят!»

«Это сценический костюм! Нам ещё снимать, нельзя, чтобы слёзы его испортили!»

«Быстрее, быстрее, быстрее! Мы уже всё утро тратим время, люди ждут!»

«Где родители этого ребёнка?! Родители?!»

После этих слов съёмочная группа, до этого стоявшая неподвижно, словно скованная, ожила.

Кто-то начал приводить в порядок площадку.

Кто-то подбежал поправить грим.

Кто-то наклонился к мальчику, осторожно вытирая ему слёзы.

А кто-то громко звал его родителей.

И среди всей этой суеты маленькая фигурка казалась особенно одинокой.

Примерно через минуту в кадре появилась молодая женщина.

На ней было модное на тот момент платье. Прямые, тщательно выпрямленные волосы мягко спадали на плечи, а тонкие каблукки звонко отстукивали по бетонному полу, когда она подошла к ребёнку.

Мальчик, всё это время тихо плакавший, почувствовал её приближение.

Его тело инстинктивно сжалось.

Он медленно поднял голову — осторожно, словно боялся даже этого движения — и посмотрел на неё влажными, полными страха глазами.

Его голос был мягким, дрожащим, почти шёпотом:

«Мама...»

Женщина холодно посмотрела на него.

И отвернулась.

Она даже не ответила.

Когда она повернула голову, её лицо оказалось прямо перед объективом камеры.

И в этот момент Линь Цинтянь резко замер.

Он узнал её.

Это была не кто иная, как Чжэн Мэйлин.

Молодая Чжэн Мэйлин...

И Линь Сюэцэ — на вид лет шести...

Значит, это запись со съёмочной площадки, когда Линь Сюэцэ был ребёнком-актёром... больше десяти лет назад?

Мысль пронеслась в голове Линь Цинтяня.

Тем временем на видео маленький Сюэцэ, увидев, что мать его игнорирует, колебался.

Он долго не решался.

Но в конце концов всё же робко протянул руку, пытаясь осторожно коснуться её пальцев.

Он хотел лишь удержать её.

Хотел лишь почувствовать, что она рядом.

Но прежде чем его пальцы успели дотронуться до неё, Чжэн Мэйлин резко обернулась.

Её лицо было искажено подавляемой яростью.

«И у тебя ещё хватает наглости называть меня мамой?!» — взорвалась она. — «У меня нет такого бесполезного сына!»

Сюэцэ вздрогнул.

Его глаза широко распахнулись.

Он смотрел на неё — на свою мать — словно не узнавая.

«Такой простой кадр, а ты даже этого сделать не можешь! Ты специально, да?!» — продолжала она, прожигая его взглядом.

Он и без того был напуган до предела.

Теперь же кровь окончательно отхлынула от его лица.

Он побледнел.

Его губы дрожали.

Он отчаянно замотал головой.

«Я... я не...»

«Ещё и оправдываешься?! Лгун!» — резко оборвала она.

Её голос был острым, как хлыст.

«Ты уже год как дебютировал! Ты давно в этом кругу! Ты уже не маленький ребёнок, понимаешь?! Столько людей ждут тебя! Где твоя ответственность?! Мне за тебя стыдно! Тебе самому не стыдно, потому что у тебя нет совести — ты меня опозорил!»

Внезапно она заметила, что его рука всё ещё поднята.

Она была так близко к её одежде.

На её лице промелькнуло отвращение.

Она резко взмахнула рукой и грубо отбросила его ладонь.

А затем толкнула его в сторону.

«Пока не снимем этот кадр, сегодня можешь даже не мечтать о еде!»

Ему было всего шесть лет.

От её толчка он пошатнулся, едва удержавшись на ногах.

Слёзы, которые он так отчаянно пытался сдержать, вновь подступили к глазам.

Чжэн Мэйлин вспомнила слова режиссёра.

Она сразу же ткнула в него пальцем.

«Ты ещё и плакать собрался?! Только попробуй!»

Он замер.

Окаменел.

Он не смел пошевелиться.

Прошло несколько секунд.

Его плечи дрожали.

Он всхлипнул.

«Прости... мама... прости...»

Её ответом был лишь холодный, полный презрения взгляд.

Она закатила глаза и ушла.

Просто развернулась и ушла, даже не оглянувшись.

Оставив его одного.

Он стоял там, маленький, беззащитный.

Словно испуганный зайчонок, потерявшийся среди чужого, жестокого мира.

Он долго не двигался.

Не смел.

Не решался.

Пока наконец один из сотрудников, не выдержав этого зрелища, не подошёл к нему под предлогом поправить грим и тихо не увёл его в угол.

«Бедняжка... не три так сильно, не надо... у тебя кожа слишком нежная, ещё сотрёшь до крови», — мягко приговаривал сотрудник, аккуратно промокая лицо Сюэцэ влажной салфеткой.

Он осторожно стёр слёзы с его щёк.

Глядя на его побледневшее, испуганное личико, он не выдержал:

«Твоя мама... слишком строга, разве так можно...»

Сюэцэ опустил голову.

Ни слова в ответ.

Он просто стоял, маленький, тихий, будто боялся даже дыханием занять лишнее место.

Сотрудник вздохнул. Вид у ребёнка был одновременно жалкий и трогательно милый. Покопавшись в сумке, он достал несколько булочек и протянул одну мальчику:

«Ты столько плакал... наверное, проголодался? Быстро съешь немного, а потом продолжим съёмку.»

Сюэцэ поднял глаза.

Это была булочка с черничным джемом. Золотистая корочка, мягкий мякиш, между слоями — листик салата, изюм и густой, блестящий слой тёмно-фиолетового джема. Она выглядела невероятно аппетитной.

Для ребёнка такой соблазн — почти непреодолим.

Сюэцэ невольно сглотнул.

В его глазах ясно отразилось желание.

Сотрудник улыбнулся, глядя на его простодушное, жадное до сладкого выражение лица. Он уже собирался вложить булочку в маленькие ладони, но Сюэцэ вдруг покачал головой.

«Мама сказала... если я плохо снимусь в этой сцене... я останусь без еды.»

Сотрудник замер.

Сердце болезненно сжалось.

«Я видел, как она вышла. Это я тебе тайком даю, она не узнает. Быстро съешь, ладно?»

Сюэцэ смотрел на булочку.

Облизнул губы.

Его кожа была белой, почти прозрачной. Глаза — большие, круглые, влажные, словно налитые соком винограда.

В этот момент он напоминал маленького голодного котёнка — трогательного, беззащитного.

Даже Линь Цинтянь, глядя на запись, был уверен: он не устоит.

Но Сюэцэ снова покачал головой.

«Я не могу... Мама не любит детей, которые врут... Я не хочу, чтобы мама меня не любила...»

Слова прозвучали тихо, почти шёпотом.

Сотрудник смотрел на него, и в его взгляде читалась бессильная злость. Он едва сдержался, чтобы не выругаться в адрес Чжэн Мэйлин — но при ребёнке не посмел.

Только убрал булочку обратно в сумку.

Ласково коснулся ладонью его щеки.

«Тогда постарайся, ладно? Снимем — и сможешь поесть. Не бойся. За машиной следят, её сразу отключат, если что. И поверь Цзя-гэ — он владеет боевыми искусствами, он тебя обязательно спасёт. Представь, что это игра, хорошо?»

Сюэцэ тихо ответил:

«Угу.»

И послушно кивнул.

К этому моменту видео длилось уже больше десяти минут.

Экран вдруг дёрнулся — запись на секунду зависла. Очевидно, ненужные фрагменты были вырезаны.

Когда изображение восстановилось, камера уже была переставлена.

Теперь объектив был направлен не на сотрудников, а на саму площадку.

Сюэцэ в кадре по-прежнему выглядел очаровательно, но Линь Цинтянь не любил детей.

И, как ни крути, суровая женщина на видео — его мать, Чжэн Мэйлин, поэтому он подсознательно стоял на её стороне. Ему всегда казалось, что Линь Сюэцэ с детства умел притворяться жалким, строить из себя невинность — будто каждая сцена для него пытка.

Но когда камера наконец показала саму съёмку, лицо Линь Цинтяня невольно изменилось.

В самом центре цеха стояло несколько огромных станков для распилки древесины.

Старые промышленные машины, оставшиеся с тех времён, выглядели грубыми и пугающе уродливыми. Они напоминали чудовищ — тяжёлых, неподвижных, затаившихся в полумраке.

Казалось, стоит лишь подойти ближе — и они разорвут тебя на части, проглотят без остатка.

«Начали!» — раздался голос режиссёра.

В следующее мгновение машины ожили.

«Вжжжжж»

Пронзительный гул снова наполнил помещение.

Но теперь этот звук уже не просто раздражал.

В сочетании с видом вращающихся зубчатых лезвий он вызывал первобытный, животный страх.

Хотелось лишь одного — бежать. Подальше.

Толстые брёвна одно за другим катились по роликам, с грохотом направляясь к пиле. Вращающееся с бешеной скоростью лезвие сдирало кору и разрезало древесину на ровные длинные полосы.

Металл входил в дерево так легко, будто резал мягкий тофу.

Гладко.

Без малейшего сопротивления.

Нетрудно было представить, что случится, окажись на этом месте человек.

В этот момент один из сотрудников поднял Сюэцэ.

И посадил его прямо на бревно.

Маленькое тело оказалось сверху, и вместе с катящимся стволом медленно поехало вперёд прямо к вращающейся пиле.

Даже у Линь Цинтяня, смотревшего запись через экран, сердце резко сжалось.

Это было настоящее бревно.

Круглое.

Оно катилось вперёд по роликам, неумолимо приближаясь к лезвию.

Стоило лишь немного потерять равновесие — и бревно могло резко повернуться.

А вместе с ним и ребёнок.

И тогда он упал бы прямо в пилу.

Даже если рядом стояли люди, готовые отключить машину, что если они опоздают хотя бы на секунду?

С такой скоростью вращения... такой остротой... эта пила могла без труда разрезать голову надвое.

Ладони Линь Цинтяня невольно вспотели.

Это были съёмки больше десяти лет назад...

Неужели тогда съёмочные группы действительно были настолько безумны?

Им было наплевать на чужую жизнь?!

Даже просто наблюдая через экран, невозможно было избавиться от чувства тревоги.

А ведь Сюэцэ находился там.

На этом бревне.

Неудивительно, что он плакал так отчаянно.

Любой ребёнок испугался бы.

Линь Цинтянь был уверен, что сейчас он снова расплачется.

Но в следующий момент произошло нечто неожиданное.

Сюэцэ, сидя на катящемся бревне, смотрел, как страшная пила становится всё ближе и вдруг... захлопал в ладоши.

Его лицо озарила улыбка.

Он засмеялся.

Чисто.

Звонко.

Словно это была не смертельная опасность, а весёлая игра.

Он всё приближался к лезвию.

Ещё ближе.

И ещё.

Почти вплотную, ещё мгновение, и кровь брызнула бы во все стороны, но именно в эту критическую секунду в кадре появился мужчина.

Высокий. Красивый. Стремительный, как порыв ветра.

Он выскочил сбоку, точно рассчитав момент.

Сильные руки обхватили маленькое тело.

Он прижал Сюэцэ к себе и резко бросился в сторону.

Они упали на пол, перекатившись по нему.

Пила пронеслась мимо.

Совсем рядом.

Смерть прошла в считанных сантиметрах.

«Стоп!»

Голос режиссёра раздался со стороны, звуча заметно оживлённее:

«Отлично, отлично! Вот теперь получилось как надо. Именно такой эффект нам и нужен был!»

Он продолжил, явно довольный:

«Хотя пила выглядит опасно, и сцена получается напряжённой, главный герой должен сохранять лёгкость.»

«Это лёгкая комедия. Когда пугающая, опасная сцена контрастирует со спокойным, беззаботным главным героем — зрителю становится интересно. Весело. Захватывающе.»

В его голосе звучало удовлетворение. И только теперь Линь Цинтянь окончательно понял, почему Линь Сюэцэ проваливал эту сцену всё утро.

Перед лицом такой жуткой, смертельно опасной пилы... он не имел права бояться. Он должен был притворяться. Должен был улыбаться. Должен был выглядеть так, будто ему весело.

Самая трудная сцена наконец была снята.

Атмосфера на площадке мгновенно изменилась. Напряжение рассеялось, люди расслабились, слышались облегчённые вздохи.

Получив похвалу, маленький Сюэцэ тоже словно ожил.

Его прежняя робость исчезла без следа, глаза засияли, он начал оглядываться, кого-то ища.

Словно маленький зверёк, жаждущий одобрения.

Через несколько секунд он наконец нашёл её.

Он подбежал. Его лицо светилось счастьем.

«Мама, я только что...»

Чжэн Мэйлин говорила по телефону. Он перебил её на полуслове. Она даже не посмотрела на

него.

«Замолчи.» — холодно бросила она, раздражённо.

И, не отрывая телефона от уха, развернулась и ушла, оставив его стоять одного.

В его глазах всё ещё жила надежда. Он ждал, ждал, что она вернётся, ждал, что она похвалит его.

Но время шло, а она не вернулась, даже не оглянулась.

Свет в его глазах медленно гас.

И наконец, он опустил голову.

Тихо.

Потерянно.

<http://bllate.org/book/14966/1502919>